

О МЫТАРСТВАХ

О МЫТАРСТВАХ

Жизнь человеческая закапчивается смертью – разлучением души и тела. А что дальше?.. Вечная блаженная жизнь с Богом или адские мучения?.. Многие ли окажутся достойными войти в Царство Небесное и получить, как сказано в Писании, *наследство нетленное?*

Нет, не многие, говорит Слово Божие. *Мало избранных* (Мф. 20, 16), *и праведник едва спасается*, – а какова же участь *нечестивых и грешных* (1 Пет. 4, 19)! Путь в Царство Небесное – путь следования за Христом – путь *узкий*, крестный, скорбный. Трудно следовать по этому спасительному пути! Недаром церковная традиция уподобляет нашу жизнь то странствию по безводной пустыне, то плаванию по бурному морю...

Чтобы не уклониться от цели, нужно всегда иметь ее перед глазами. Но каким образом среди житейской суеты и «оземленности», которая свойственна всем людям со времени грехопадения первозданного человека, и особенно нашему времени, можно сохранить в душе стремление к Небу? Святые отцы Церкви, опытно прошедшие путь спасения во Христе, указывают для этого на некоторые действенные средства. Одно из них, простое, но могучее – *память смертная*.

Помышление о том, что все смертны, что и ты умрешь, и умрешь, возможно, скоро, так как никто не ведает своего часа, – это помышление как бы

ограничивает кругозор христианина, шествующего в Царство Небесное, помогает ему сосредоточиться на главном.

Память о смерти влечет за собой, с одной стороны, страх вечных мучений, с другой – надежду будущего блаженства. Если первый способствует покаянию и нравственному исправлению грешника, то вторая побуждает к исполнению заповедей Христовых и терпеливому несению своего креста. Так, между страхом и надеждой и совершается, как учат святые отцы, наше спасение.

Древние отцы-подвижники показывают нам удивительные примеры непрестанного памятования о смерти, указывая и на великую пользу от этого спасительного навыка. «Помни всегда об исходе твоём, не забывай вечного суда, и не погрешить в душе твоей», – наставляют они христиан, стремящихся проводить жизнь в благочестии и богоугождении.

Памятованию горького часа смерти сопутствует воспоминание о посмертной участи людей – об аде, где «в горьком молчании или страшном стенании, в страхе и мучении» пребывают души грешников, и о будущем Суде, на котором грешников ожидают великий стыд пред Богом, пред Ангелами и всеми людьми и страшные наказания, а праведников – общение с Богом и Ангелами и со всем ликом святых, Небесное Царство и блага его, радость и наслаждение.

Удостоившиеся быть восхищены и видеть Суд Божий, участь грешников и праведников не могли после этого смотреть на временный свет, «от которого нет нам никакой пользы»; а проводившие до того жизнь в беспечности налагали на себя суровые подвиги покаяния, боясь, что не вынесут «стыда

пред Христом и святыми Ангелами» в день Судный за злые дела свои и нерадение о спасении в течение временной жизни.

Христиане, ревнующие о спасении, всегда стремились подражать древним подвижникам, воспоминанием о смерти возгревая в душе страх спасительный, страх, которым доставляется святость (свт. Василий Великий).

«Постоянное памятование смерти есть благодать дивная, удел святых Божиих, – пишет святой Игнатий (Брянчанинов). – Но и нам, немощным и страстным, необходимо принуждать себя к воспоминанию о смерти, усваивать сердцу навык размышления о ней, хотя такое размышление и крайне противно сердцу грехолюбивому и миролюбивому...»

Церковное предание содержит множество благочестивых повествований, способных возбуждать в человеке память смертную, а вместе с нею и страх Божий, ограждающий его от увлечения грехом и научающий всем добродетелям и заповедям Божиим. В житии преподобного Василия Нового (= 944) содержится описание двух видений ученика его Григория, в которых образно представлены частный суд над человеком по смерти – так называемые *мытарства*, и всеобщий Страшный Суд Христов, имеющий совершиться в конце мира.

Мытарства – нечто вроде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к Престолу Небесного Судии; при них (или в них) стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в том или ином грехе, пошлину, или выкуп, состоящий в представлении им на вид противоположного этому греху доброго дела.

Мытарями у древних евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей и пошлин. Стараясь извлечь для себя большую выгоду, они прибегали иногда даже к истязаниям. Мытари собирали пошлины с провозимых товаров на особых таможенных, или заставах, которые назывались мытницами, или мытарствами. Отсюда христианские писатели позаимствовала наименование для мест воздушных истязаний душ умерших злыми духами.

Житие преподобного Василия Нового было составлено Григорием; им же описаны и видения, дарованные ему по молитвам его учителя.

Следует отметить, что цель писаний Григория – нравственно-поучительная.

Нам, кратковременным странникам на земле, необходимо узнать нашу участь в вечности. Для того-то милосердие Божие и открывает через избранных рабов Своих то, что обыкновенно сокрыто от наших чувств, но насущно для нашего спасения, и в тех именно образах, которые нам доступны и понятны.

* * *

В царствование благочестивых греческих императоров Льва Премудрого и брата его Александра в далекой уединенной пустыне проводил подвижническую жизнь преподобный отец наш Василий Новый. Недолго, однако, эта подвижническая жизнь находилась в неизвестности. Господу угодно было, чтобы этот святой стал известен народу; и вот посланники царя, возвращаясь из страны Асийской, встретили в пустыне этого благочестивого мужа и, приняв его за человека подозрительного, связали его и привезли с собою в Царьград.

В Царьграде он был представлен патрицию Самону, который пожелал узнать от него, кто он, откуда явился и как его имя... На эти вопросы Самона святой Василий не дал ответа. Тогда Самон приказал подвергнуть святого праведника жестокой пытке: раздеть его и бить воловьими жилами. Но и при помощи этих истязаний ему не удалось ничего узнать от святого.

Причиной молчания святого Василия было его нежелание обнаружить пред народом своих добрых дел, совершенных им в течение всей его жизни.

Жестокий Самон, будучи обличаем от преподобного в тайных грехах, отдал его на съедение льву, но лев не коснулся его. Наконец, патриций бросил Василия в море, но по воле Божией два дельфина подхватили святого и вынесли к берегу Евдомы – седьмого предградия Константинополя. Узы, которыми святой был связан по рукам и ногам, разрешились сами собой, и он, совершенно свободный, направился к Златым воротам города.

Недолго он оставался в неизвестности. Его добрые дела, благодеяния, его жизнь, полная самоотвержения, наконец, исцеления больных, совершаемые по его молитве, – все это не могло быть скрыто, и весть о нем быстро разнеслась по всем окрестностям. И не одни простые граждане стекались к нему – являлись и знатные вельможи, чтобы получить совет, наставление, а если нужно, то и исцеление.

Господь дал преподобному не только дар чудотворения, но и дар прозорливости и пророчества. Святому были известны тайные дела и мысли каждого приходившего к нему; он предсказывал многим будущее, и предсказания его всегда сбывались.

Вскоре к нему явился один богобоязненный,

благочестивый гражданин по имени Константин и просил его перейти к нему жить. Преподобный согласился. Константин устроил ему совершенно отдельную келию и поручил одной своей прислужнице, благочестивой вдове Феодоре, ходить за ним. Она глубоко уважала святого и служила ему, как только могла, усердно.

К святому и сюда начал стекаться народ. В духовных беседах и душеполезных наставлениях проходил целый день, а ночью в своей келии святой предавался молитве. Имя святого становилось все более и более известным. К нему приезжали князья и знатные вельможи. Однажды его пригласили к царю Роману. Святой, придя к царю, стал обличать его в дурных поступках, и благоразумный царь не только не прогневался на него, но дал искреннее обещание исправить свою жизнь. Затем, в другой раз, святой предсказал жене царя Константина Багрянородного Елене, что она родит дочь, а потом сына, который, достигши совершеннолетия, сделается царем. Это предсказание буквально исполнилось.

Один мирянин, которого имя Григорий и который написал это житие, снискал особенную любовь преподобного. Он сделался учеником его и был очевидцем многих чудесных дел, совершенных преподобным.

Пришло время, и прислужница его Феодора, приняв иноческий чин, мирно отошла ко Господу. Все знавшие ее были огорчены ее кончиной – так она много добра сделала в своей жизни.

Не менее других был огорчен и Григорий. «Но не столько я, – пишет ученик преподобного, – скорбел о потере ее, сколько о том, что не знал, какой участи

удостоилась она по кончине своей и причислена ли она к лику святых праведников или нет...»

Далее приведем повествование Григория:

«Будучи мучим такими внутренними вопросами, я сначала ничего не говорил святому Василию, но потом, зная, что преподобный по своей прозорливости уже сам знает мои тайные помышления и желания, обратился к нему с убедительной просьбой рассказать мне, какой участи удостоилась по кончине своей Феодора, которая вполне благочестиво провела последние дни своей жизни. Святой Василий внимательно, по обыкновению, выслушав мою просьбу, обещал молить милосердного Господа о даровании мне этой милости. Господь услышал молитву преподобного. Когда я уходил домой, преподобный спросил меня еще раз: “Так ты очень желаешь этого?” На это я ответил, что очень, очень желал бы. Преподобный сказал: “Ты увидишь ее сегодня, если с верою просишь и не сомневаешься в возможности исполнения просимого”. Я был сильно удивлен и рассуждал сам с собой: как и где я увижу ту, которая отошла в жизнь вечную?

В ту же ночь я заснул на одре своем и вот вижу некоего юношу благообразного и очень привлекательного. Подойдя ко мне, он сказал: “Встань, зовет тебя преподобный отец Василий, чтобы вместе пойти посетить Феодору; если ты хочешь увидеть ее, то иди к нему и увидишь”.

Я постарался скорее встать; сейчас же направился к преподобному и, не найдя его у себя, спрашивал о нем у всех присутствовавших там. Мне ответили, что преподобный Василий сам ушел посетить Феодору. Больно мне было слышать это, и я с грустью воскликнул: “Как же он не подождал

меня, чтобы и мне исполнить свое заветное желание и утешиться, увидевши свою духовную мать!..” И вот некто из присутствующих указал мне путь, по которому отправился святой Василий и по которому я должен был идти. Я отправился вслед святому, и вдруг очутился как бы в неведомом лабиринте; узкая дорога, неизвестно куда ведущая, была так неудобна, что со страху едва можно было идти по ней... Я оказался перед воротами, которые были крепко заперты; приблизившись к ним, я посмотрел в скважину, желая увидеть кого-нибудь внутри двора, чтобы спросить о святом, не зашел ли он сюда. Действительно, к счастью моему, я увидел там женщину, сидящую и беседующую со своими друзьями. Окликнув ее, я спросил: “Госпожа, чей это двор?” Она ответила, что он принадлежит отцу нашему Василию, который недавно пришел сюда, чтобы посетить своих духовных чад. Услышав это, я очень обрадовался и осмелился просить ее открыть мне ворота, чтобы и мне войти, так как я тоже чадо святого Василия. Но без разрешения Феодоры служанка не открыла мне двери. Я начал сильнее стучать в дверь, прося открыть. Феодора услышала, сама пришла к воротам и, увидев меня, тотчас узнала и поспешила открыть, сказав при этом: “Вот он – возлюбленный сын господина моего Василия!” Она ввела меня во двор, радуясь моему приходу, и, приветствуя меня целованием святым, говорила: “Брат Григорий, кто тебя наставил прийти сюда?” Я ей подробно рассказал, как по молитве святого Василия я получил эту милость – видеть ее во славе, которую она приобрела благодаря своей подвижнической жизни.

Ради духовной пользы я убедительно просил пре-

подобную рассказать мне все: как она рассталась с телом, как прошла мимо клеветников, как пришла в эту святую обитель, как здесь живет... Феодора ответила мне: “Страшно даже вспомнить, любезное чадо Григорий, то, о чем ты спрашиваешь... После того, что я в страхе и трепете испытала, многое из виденного и слышанного я забыла, тем более что видела лица, которых во время своей земной жизни не видела, слышала голоса и речи, каких не приходилось никогда слышать. Что могу сказать, так это то, что лютая мне встретилась бы смерть за мои дела неправые, совершенные на земле, если бы не молитвы отца нашего Василия... Молитвы его сделали мою смерть легкой. Трудно описать болезнь телесную и те мучения и страдания, какие переносит умирающий; представь себе, однако, вот если бы кто нагим бросился в пламя и там начал мало-помалу гореть и разрушаться от огня... Вот чему подобна болезнь смертная и – о, как люто разлучение души от тела, особенно же для таких грешников, как я!

Когда настал час моей смерти, я вдруг увидела множество злых духов, которые явились ко мне в образе эфиопов и, став у одра моего, вели возмутительные разговоры и зверски посматривали на меня... Глаза у них были налиты кровью и казались чернее смолы. Всевозможные вещи проделывали злые духи, чтобы устроить меня: и похитить собирались, и присвоить себе, и большие книги приносили, в которых были записаны все мои грехи, какие я только совершила со дня своей юности; пересматривали эти книги, как будто ожидая с минуты на минуту прихода какого-то судьи. Видя все это, я волновалась от страха. От трепета и ужаса я вконец изнемогла и в таких страданиях посматри-

вала и туда и сюда, желая увидеть кого-нибудь и просить, чтобы отогнали этих бесчинных эфиопов, но, увы, не было никого, кто бы помог мне избавиться от них.

Находясь в таком мучительном состоянии, я вдруг увидела двух Ангелов в образе светлых юношей, весьма благообразных, одетых в золотые одежды; волосы у них были как снег. Они приблизились к одру моему и стали по правую сторону. Не было пределов моей радости, когда я увидела их. Злые духи, увидев явившихся Ангелов, со страхом немедленно отошли подальше. Тогда один из Ангелов с гневом обратился к ним и спросил: “Зачем вы, мрачные враги рода человеческого, смущаете и мучите душу умирающей? Не радуйтесь, здесь вашего ничего нет”. После того как Ангел сказал это, бесстыдные духи начали перечислять все то, что я сделала от юности своей, словом ли, делом ли, или помышлением, – все это они рассказывали Ангелам и при этом ехидно спрашивали у них: “А что, разве ничего нет?.. Не она ли все это сделала?..” И многое, многое еще они прибавили от себя, желая как можно более оклеветать меня.

Вот, наконец, пришла и смерть. Она налила чего-то в чашу, а чего – я не знаю, поднесла мне испить и затем, взяв нож, отсекла мне голову. Ах, чадо мое, как мне тогда стало горько, горько! И в эту-то минуту смерть исторгла мою душу, которая быстро отделилась от тела, подобно тому, как птица быстро отскакивает от руки ловца, если он выпускает ее на свободу.

Тогда светозарные Ангелы приняли меня на руки свои, и мы начали восходить на небо. Оглянувшись назад, я увидела тело свое, лежащее неподвижно,

бездушное и бесчувственное, как обыкновенно лежит одежда, когда кто, раздевшись, бросит ее и потом, став пред нею, смотрит на нее. Когда святые Ангелы несли меня, то приступили злые духи и сказали: “Вот у нас многие ее грехи: отвечайте нам за них”. Святые Ангелы в ответ на это представили все те добрые дела, какие я когда-либо совершила: когда дала бедному хлеба, или напоила жаждущего, или посетила больного или в темнице заключенного, или когда в церковь с усердием ходила, или страннику дала покой в доме своем, или когда налила масло в лампаду в церкви, или дала фимиам на храм Божий, или когда примирила кого-либо из враждовавших, или пролила слезы на молитве, или когда неприятности с терпением переносила, или странникам ноги омыла, или утвердила в вере людей маловерующих, или предостерегла кого-либо от греха, или скорбела о чужих несчастиях и напастях, или пострадала за других, или поспешила к кому на дело доброе, или совершила много поклонов; или когда постилась, чтобы победить в себе зло и покорить плоть духу, или постилась в Четыредесятницу, и к Рождеству Христову, и к празднику Святых апостолов, и к Успению Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и во всякую среду и пяток; или когда старалась не видеть бесполезного, не слышать празднословия, клеветы и лжи; все это собравши, они противопоставили эти добрые дела моим грехам, и последние были искуплены первыми.

Злые духи скрежетали зубами, желая похитить меня у Ангелов и ввергнуть в бездну; но в это время внезапно явился посреди нас святой Василий и сказал святым Ангелам: “Господа мои, эта душа много мне послужила, успокаивая мою немощь и старость.

Я молился о ней Господу, и Он даровал мне благодать эту”. При этом он дал им какой-то ковчежец и добавил: “Когда будете проходить воздушные мытарства, искупайте душу сию от долгов ее, взяв из ковчежца и отдав лукавым и злым духам”. Отдав ковчежец, святой отошел. Духи злобы, увидев все это, долго оставались в недоумении и безгласными, а потом вдруг, громко воскликнув, завопили: “Горе нам, напрасно мы трудились, следивши за нею, как и где она грешила!..” Сказав это, они мгновенно исчезли. Затем явился снова преподобный Василий и принес с собой много различных сосудов с ароматами, которые вручил юношам.

Открывал один сосуд за другим, юноши возливали на меня ароматы, я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что изменилась и стала очень светла. Преподобный сказал святым Ангелам: “Господа мои! Когда все необходимое совершите над нею, тогда приведите ее в предуготовленную мне от Господа обитель и оставьте ее там”. Сказав это, он отошел.

Святые Ангелы взяли меня от земли и направились вверх на небеса, как бы восходя по воздуху. И вот на пути внезапно встретили мы **мытарство первое**, которое называется **мытарством празднословия и сквернословия**. Явились истязатели и требовали дать ответ во всем, что я дурно когда-либо о ком-нибудь говорила; обвиняли меня за дурные песни, которые я пела, за неприличный смех и насмешки. Все это было забыто мной, так как много времени прошло с тех пор. Но Ангелы защитили меня от истязателей, и мы отправились дальше.

Поднимаясь выше к небу, мы достигли **мытарства второго – мытарства лжи**. Находивши-

еся там злые духи были очень мерзки, противны и свирепы. Они, увидев нас, вышли навстречу к нам и начали оклеветывать меня, указывая на время и место, когда и где я говорила на кого ложь, указывали даже тех лиц, о которых я сказала неправду. Ангелы со своей стороны защищали меня и дали злым истязателям из ковчежца святого Василия; и мы миновали их без беды.

Достигли мы и **третьего мытарства – мытарства осуждения и клеветы**. Здесь находилось множество злых духов. Один из них, более старший, подошел и начал говорить о том, когда и какими дурными словами я кого оклеветала в течение всей своей жизни. Правда, что многое они и ложно показывали, но во всяком случае мне было удивительно, как они могли помнить все действительно бывшее с такой подробностью и точностью, о какой я сама забыла. Все это мучило и терзало меня. Ангелы святые со своей стороны рассказали о моих добрых делах, отделив при этом из ковчежца, данного святым Василием. Миновали мы и эту беду.

Встретили мы дальше на пути **мытарство четвертое – объедения и пьянства**. Слуги этого мытарства стояли, как волки хищные, готовые поглотить всякого проходящего к ним. Они напустились на меня, как псы, высказывая все то, что я от юности сделала в отношении чревоугодия, вспоминали, когда я ела утром, не помолившись Богу, указывали и на то, что я ела скромное в постные дни, что ела до обеда и во время обеда чрез меру, что ела без меры и перед ужином, и во время ужина; во всем этом они обличали меня, стараясь вырвать из рук Ангелов. Наконец, один из них спросил меня: “Не ты ли обещаваешь при святом крещении Господу Богу

своему отречься от сатаны и всех дел его и от всего, что принадлежит сатане? Давши такой обет, как ты могла совершить то, что ты совершила?” Они выставили на вид даже счета тем чашам, которые я в течение всей своей жизни выпила, говоря мне: “Не столько ли чаш выпила ты в такой-то день, и в такой-то с тобой пил мужчина, а в такой – женщина? Не была ли ты пьяна, пивши без меры и так много?..” Словом, много на меня эти ненавистные враги рода человеческого клеветали, стараясь похитить меня из рук Ангелов. Тогда я сказала, что действительно все это было и что все это я помню... Ангелы, дав часть из ковчежца святого Василия, искупили мои грехи чревоугодия, и мы отправились дальше.

Один из Ангелов сказал мне: “Видишь ли, Феодора, что приходится испытывать душе умершего, когда она проходит все эти мытарства и встречается с этими злыми духами, с этими князьями тьмы”.

Я отвечала: “Да, я видела и ужасно перепугалась; мне думается, знают ли находящиеся на земле люди, что ждет их здесь и с чем они встретятся по смерти своей?” “Да, они знают, – сказал Ангел, – но наслаждения и прелести жизни так сильно действуют на них, так поглощают их внимание, что они невольно забывают о том, что их ждет за гробом. Добро тем, которые помнят Священное Писание и творят милостыню, или совершают какие-либо другие благодеяния, которые впоследствии могут искупить их от вечных мук ада. Тех же людей, которые живут небрежно, как будто бессмертные, думая только о благах чрева и о гордости, – если их внезапно застигает смерть, то окончательно погубит, так как они не будут иметь в защиту себя никаких добрых

дел. Души тех людей темные князья мытарств сих, сильно измучив, отведут в темные места ада и будут держать их там до пришествия Христова – и ты, Феодора, пострадала бы так, если бы не получила от угодника Божия Василия дарований, которые тебя спасли здесь от всех этих бед”.

Веда такую беседу, мы достигли **пятого мытарства – мытарства лениности**, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие обязанностей, принятых на себя. Тут же истязуются и те, кои нерадят о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить в храм на утреннее богослужение, на Божественную литургию и другие священные службы. Тут же испытываются вообще уныние и небрежение как мирских людей, так и духовных и разбирается нерадение каждого о душе своей, и многие оттуда низводятся в пропасть. И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые Ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

Пришли к **мытарству шестому – воровства**. Здесь тоже немного дали злым духам и прошли свободно.

Мытарство седьмое, сребролюбия и скупости, прошли мы без задержания, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствуясь тем, что Бог давал; и не была скупой, но что имела, усердно раздавала нуждающимся.

Вошли мы в **мытарство восьмое, лихоимства**. Представители же сего мытарства, истязующие грехи взяточничества и лести, ничего не имели против меня и поэтому со злостью заскрежетали зубами, когда мы безбедно уходили от них.

Вот **мытарство девятое – неправды и тщеславия**. В них я была невиновна, и скоро мы отправились оттуда.

Достигли мы и **девятого мытарства, мытарства зависти**. Благодатию Христовой и здесь ничего против меня не имели злые духи: ни в памяти своей, ни в книгах своих ничего в осуждение меня не нашлось у них. И мы с радостью направились далее.

Встретилось **мытарство одиннадцатое**, где испытываются грехи **гордости**, но его мы прошли совершенно свободно, так как я оказалась невиновною в этом грехе.

Восходя дальше к небу, мы встретили **мытарство двенадцатое – мытарство гнева**. Счастлив человек, который, живя, не испытывал гнева. И вот старейший из злых духов, находившийся здесь и сидевший на престоле, исполненный ярости и гордости, с гневом приказал находящимся тут слугам своим мучить и истязать меня. Последние, как псы облизываясь, начали доносить на меня. Они открывали не только то, какие слова я действительно с яростью и гневом когда-то произнесла или каким словом кому повредила, но говорили и о том, как я когда-то с гневом посмотрела на своих детей, а в другой раз слишком строго наказала их. Они представили все очень живо, указав даже время, когда тот или иной грех был мною совершен, и тех людей, на которых я когда-то свой гнев изливала, повторил-

ли даже подлинные мои слова, которые я тогда произносила, и сказали, кто присутствовал при этом. На все это Ангелы ответили тем, что дали из ковчежца, и мы отправились выше.

И встретилось нам **мытарство тринадцатое – злопамятства**. Как разбойники, подскочили к нам злые духи и, испытывая меня, хотели что-либо найти, записанное в хартиях своих, но так как, по молитве святого Василия, ничего не нашли, то зарыдали... Я во многом была грешна, но любовь питала ко всем, и к великим, и к малым, никого никогда не оскорбляла, никогда не помнила зла, никогда не мстила другим за зло... И мы без остановки пошли дальше.

Одного из Ангелов, сопровождавших меня, осмелилась я спросить: “Умоляю тебя, скажи мне, откуда знают эти злые духи, которые нам встречались в мытарствах, кто и что в жизни сделал дурного?” Ангел святой отвечал: “Всякий христианин при святом крещении приемлет Ангела Хранителя, который невидимо оберегает его от всего дурного и наставляет на все доброе и записывает все добрые дела, совершенные этим человеком... С другой стороны, злой ангел в течение всей жизни следит за злыми делами человека и записывает их в своей книге; он записывает все грехи, в которых, как ты видела, испытываются люди, проходящие мытарства и направляющиеся на небо. Грехи эти могут возбранить душе вход в рай и низвергнуть прямо в бездну, в которой живут и сами злые духи. Там души эти будут жить до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, если не имеют за собой благих дел, которые бы могли вырвать их из рук диавола. Люди, верующие в Святую Троицу, приобщающие-

ся как можно чаще Святых Таин Тела и Крови Христа Спасителя, имеют прямо восход на небо, без всяких препятствий, и святые Ангелы являются их защитниками, и святые угодники Божии молятся о спасении душ таких праведно поживших людей. О злочестивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в жизни своей ничего полезного, которые живут одним неверием и ересью, никто не заботится, и в защиту их Ангелы ничего не могут сказать.

Пришли и **мытарство четырнадцатое – разбойничества**. В нем испытываются все те, кто с гневом толкал кого-либо, или бил по щекам, по плечам и шее жезлом, или палкой, или каким-либо другим оружием. Святые Ангелы, дав немного из ковчежца, провели меня и чрез это мытарство без вреда.

Мы внезапно оказались в **мытарстве пятнадцатом – чародеяния**, обаяния, отравления наговорными травами, **призывания бесов**. Здесь находились злые духи, змееобразные по виду, для которых единственная цель существования – это вводить людей в соблазны и разврат. Ни один из них не мог и слова сказать против меня, так как в этих грехах я была невиновною. По благодати Христовой мы скоро миновали и это мытарство.

После этого я спросила у Ангелов, сопровождавших меня: «За всякий ли грех, который человек совершит в жизни, он в мытарствах сих, после смерти, истязуется или, быть может, возможно еще в жизни загладить свой грех, чтобы очиститься от него и здесь уже не мучиться за него. Я просто трепещу от того, как подробно все разбирается». Ангелы отвечали мне, что не всех так испытывают в мытарствах, но только подобных мне, не исповедавшихся чисто-

сердечно перед смертью. Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и если бы получила от духовного отца прощение, то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства и ни в одном грехе мне не пришлось бы быть истязуемой. Но так как я не захотела чистосердечно исповедать духовному отцу своих грехов, то здесь и истязуют меня за это.

Конечно, мне много помогало то, что я в течение всей своей жизни желала и старалась избегать греха. Тот, кто с усердием стремится к покаянию, всегда получает от Бога прощение, а чрез это и свободный переход от жизни сей в блаженную жизнь загробную. Духи злые, которые находятся в мытарствах вместе со своими писаниями, раскрывши их, ничего не находят написанным, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. И видят это они, и знают, что все записанное ими изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще жив, то они стараются снова на этом месте вписать какие-нибудь другие грехи. Велико, поистине, спасение человека в исповеди!.. Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспрепятственно пройти все мытарства и приблизиться к Богу. Иные не исповедуются в надежде, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов; иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи – вот такие-то люди будут испытаны в мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся все высказать одному духовному отцу, а избирают несколько, и одни грехи одному духовнику открывают, другие – другому и так далее; за такую исповедь они будут наказаны и немало претерпят, проходя мытарства.

Так мы шли и беседовали; незаметно перед нами показалось **мытарство шестнадцатое – мытарство блуда**. Истязатели этого мытарства вскочили и, глядя на нас, изумлялись тому, что мы достигли беспрепятственно этого мытарства, и несколько времени стояли как будто в забытьи. Потом они принялись истязать меня, причем говорили не только правду, но много дали и ложных показаний, приводя в подтверждение имена и места; здесь задержались мы довольно долго.

Вот **мытарство семнадцатое – прелюбодения**. Слуги этого мытарства быстро подскочили ко мне и начали излагать мои грехи: как я прежде, когда еще не служила у святого отца нашего Василия, имела супруга, которого мне дала моя госпожа, и жила с ним, а когда-то с другими согрешила; и очень много на меня клеветали. Святые Ангелы и здесь защитили меня, и мы пошли дальше.

Явились мы потом на **восемнадцатое мытарство – мытарство содомских грехов**, где истязуются все противоестественные блудные грехи, и вообще все сквернейшие, тайно совершаемые дела, о которых, по слову апостола, *срамно есть и глаголати*. Я не была виновна против грехов этого мытарства, и мы скоро его миновали.

В то время, когда мы поднимались выше, святые Ангелы сказали мне: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства; знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир во зле соблазнов и скверн, все почти люди сластолюбивы; *помышление сердца человеческого – зло от юности его* мало умерщвляющих плотские похоти и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств. Большая часть, дошедши сюда, погибает. Власти

блудных мытарств хвалятся, что они одни более всех прочих мытарств пополняют огненное родство во аде. Благодарю Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца своего, преподобного Василия. Более уже не увидишь страха».

После этого мы пришли на **девятнадцатое мытарство** – которое носит название «**идолослужение и всякие ереси**». Здесь ни в чем меня не испытывали, и мы скоро миновали его.

Затем нам встретилось **мытарство двадцатое**, которое называется **мытарством немилосердия и жестокосердия**. В этом мытарстве записаны все немилостивые, жестокие, суровые и ненавидящие. Когда кто не следует заповеди Божией и немилосерд, то душа такого человека, придя в это мытарство, подвергнута будет разным истязаниям и брошена в ад, и там затворят ее до общего Воскресения. Таковую душу Бог не помилует, так как она ни убогому не подала куска хлеба, ни нищего не успокоила, ни болящего не посетила, не помиловала слабого и обиженного, если не делом, то хотя словом утешительным, и в его горе не поскорбела вместе с ним, но, наоборот, совершала все противоположное.

Когда мы пришли сюда, князь сего мытарства показался мне весьма и весьма жестоким, суровым и даже унылым, как будто от продолжительной болезни. Он плакал и рыдал; казалось, что он дышит огнем немилосердия. Слуги его подлетели ко мне, как пчелы, и начали меня испытывать, но, не найдя ничего, они отошли; мы же, веселые и радостные, отправились дальше.

И вот мы приблизились к вратам небесным и вошли в них, радуясь, что благополучно прошли горькие испытания в мытарствах. Врата эти были

как хрусталь, а здания, которые здесь находились, блистали как звезды. Стоявшие тут юноши в золотых одеждах с радостью приняли нас, увидев, что душа моя избежала горьких испытаний воздушных мытарств... Когда мы шли, веселясь и радуясь о спасении, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Пришли мы на одно страшное место, где были юноши, очень красивые, в огненных одеждах. Они встретили нас, радуясь тому, что душа моя спасена для Царствия Божия, и пошли вместе с нами, поя Божественную песнь.

Когда мы шли, вдруг на нас спустилось облако, затем другое; пройдя еще немного, мы увидели пред собой на возвышении Престол Божий, весь белый, просвещающий всех предстоящих пред ним. Вокруг него стояли юноши весьма красивые, блиставшие, одетые в прекрасные одежды... Как рассказать тебе об этом, чадо мое Григорий?.. Все, что я там видела, невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает – так что я забыла, где нахожусь.

Приведшие меня святые Ангелы подвели меня к Престолу Божию, и я поклонилась невидимому Богу. Затем услышала голос, говорящий: «Пройдите с нею и покажите ей души праведных и грешных и все обители святых, находящиеся в раю, и места в преисподней, и потом дайте ей покой там, где укажет угодник Мой Василий».

Мы отправились по неведомому пути и пришли в обители святых. Здесь увидела я различные палаты, сотворенные рукою Божией, искусно и красиво устроенные. Я изумилась увиденному и с радостью смотрела на все. Святой Ангел, показывая мне обители святых, пояснял: «Это обитель апостолов, а то

– пророков и мучеников, а другие обители – святителей, преподобных и праведников». Когда мы вошли внутрь и оказались посреди этих прекрасных обителей, то святые встретили нас, радуясь о моем спасении, и облобызали лобзанием духовным. Затем привели меня в жилище патриарха Авраама. Оно было заполнено славой и радостью духовной и ароматами благовонных цветов. Были здесь различные палаты, какие может устроить только Дух Божий. Мы увидели множество младенцев, ликующих и веселящихся. Я спросила водящих меня Ангелов, что это за собор светоносных младенцев, ликующих и веселящихся вокруг этого святого старца? Ангелы ответили мне, что старец – это патриарх Авраам, а собор младенцев – это христианские младенцы. Затем мы отправились осматривать окрестности рая, красоту которых просто невозможно описать.

Невозможно словами изобразить то, что я видела и слышала; когда же пытаюсь продолжить рассказ, на меня нападает страх и трепет...

Затем меня повели в преисподнюю, где Господь заключил сатану, связав его. Там видела я ужасные муки. Оттуда мы направились на запад, где я видела столь же страшные муки, приготовленные для грешников. Все это Ангелы показывали мне, говоря: «Видишь, от каких бедствий ты спасена благодаря молитвам святого угодника?..» В страшных муках грешники кричали и молили о помиловании их. О многих тех мучениях тяжело и вспоминать.

Когда мы рассмотрели все это, то один из Ангелов, сопровождавших меня, сказал: «Знаешь, Феодора, что в мире есть обычай: в сороковой день после смерти оставшиеся в живых творят память по умершим; так вот, там, на земле, сегодня поминает тебя преподобный Василий».

Итак, теперь, духовное чадо мое Григорий, по прошествии сорока дней после разлучения моей души с телом, я нахожусь в этом месте, которое уготовано преподобному отцу нашему Василию. Ты еще в мире, и преподобный Василий тоже; он наставляет всех приходящих к нему на путь истины и, приводя к покаянию, многих обращает ко Господу. Иди за мной: мы войдем в мои внутренние покои и ты рассмотришь их. Здесь недавно, перед самым твоим приходом, был преподобный Василий...»

Я пошел вслед за ней, и мы вместе вошли туда. Когда мы шли, то я заметил, что ее ризы были белы как снег. Мы вошли во дворец, украшенный золотом; среди него росли различные деревья с прекрасными плодами; посмотрев на восток, я увидел роскошные палаты, светлые и высокие. Здесь был большой трапезный стол, на котором стояли золотые сосуды, весьма дорогие. В сосудах этих находились овощи разных сортов, от которых исходили чудные благоухания.

Здесь был и преподобный Василий. Он сидел на прекрасном престоле. Здесь же, возле трапезы, стояло множество людей, но лишь похожих на тех, какие живут на земле, – они имели очертания человеческие и были окружены как бы солнечными лучами. Когда они ели от трапезы, то она снова чудесно наполнялась. Прекрасные юноши подавали им кушанья. Они были препоясаны золотыми ремнями, а на главах их были венцы, сделанные из дорогого камня.

Феодора, подойдя к святому Василию, стала просить его обо мне. Преподобный посмотрел на меня с радостью, позвал к себе. Я, приблизившись, поклонился ему, по обычаю, до земли, и он

тихо сказал мне: «Бог помилует тебя и простит, чадо мое!.. Он, Всемиловитый, наградит тебя всеми небесными благами». Подняв меня с земли, он продолжал: «Вот Феодора; ты так сильно желал ее видеть и так сильно просил меня об этом; вот ты видишь ее: где она, и какой участи сподобилась ее душа в этой загробной жизни». Обратившись к Феодоре, преподобный сказал ей: «Иди с ним и покажи сад мой. Пусть увидит красоту его».

Взяв меня за правую руку, она привела меня к стене, в которой были золотые ворота и, открывши их, ввела внутрь сада. Я увидел там замечательно красивые деревья: листья на них были золотые, украшены они были цветами, от которых распространялось приятное благоухание. Таких прекрасных деревьев было бесчисленное множество; их ветви преклонялись до земли от тяжести плодов. Меня все это поразило. Феодора, обратившись ко мне, спросила: «Чему ты удивляешься?.. Вот если бы ты видел сад, называемый раем, который насадил Сам Господь на востоке, как бы ты тогда удивился!.. Наверное, ты поражен был бы его величием и красотой; этот против рая – ничто». Я умолял Феодору сказать мне, кто насадил этот сад, подобного которому я никогда не видел... Она отвечала, что я и не мог видеть ничего подобного, так как нахожусь еще на земле, а здесь все неземное, и жизнь они здесь проводят неземную.

«Жизнь, полная трудов и пота, – продолжала Феодора, – какую проводил преподобный отец наш Василий от юности до глубокой старости, усиленные его молитвы, лишения, которые он переносил, когда спал на голой земле, претерпевая часто зной и мороз, питаясь подчас только одной травой, – еще

прежде чем пришел в Константинополь, – только такая подвижническая жизнь послужила во спасение ему самому и чрез него многим из людей; только за такую жизнь и за молитвы подобных подвижников Бог даст в загробной жизни такие обители. Кто в земной своей жизни переносит много скорбей и напастей, кто строго хранит заповеди Господни и в точности исполняет их, тот получает награду и утешение в жизни загробной, как и святой псалмопевец Давид сказал: *плоды трудов своих снеси* (Пс. 127, 2)».

Когда Феодора сказала, что жизнь на Небе отличается от жизни земной, то я невольно ощупал себя, как будто желая узнать, во плоти ли я еще и, конечно, убедился в этом. Чувства и помыслы мои были чисты, и дух мой радовался от всего, что я увидел. Я захотел возвратиться во дворец теми же воротами, чрез которые вышел. Войдя туда, за трапезой я уже никого не нашел. Поклонившись Феодоре, я возвратился домой. В это самое мгновение я проснулся и стал размышлять: где я был и что было все то, что я видел и слышал?..

Встав со одра своего, я отправился к святому Василию, чтобы от него узнать, было ли это видение от Бога или от бесов. Придя к нему, я, по обычаю, поклонился до земли. Он благословил меня, приказал сесть вблизи себя и спросил: «Знаешь ли, чадо, где ты был в эту ночь?» Представившись не знающим, я отвечал: «Нигде, отче, я не был; я спал на своем одре». Преподобный сказал: «Верно, ты действительно телом почивал на своем одре, но духом ты был в другом месте. Ты видел Феодору; когда ты подходил к воротам Небесного Царства, она тебя встретила с радостью, ввела внутрь двора, показала

тебе все, рассказала о своей смерти и о всех мытарствах, которые прошла.

Не по моему ли велению ты вошел во дворец, где видел чудную трапезу и дивное устройство ее; не видел ли там прекрасные плоды: какова их сладость; каковы цветы, каково питание и какие юноши служили у трапезы? Не стоял ли ты в изумлении, глядя на красоту этих палат?.. Не показал ли я тебе Феодору, которую ты так желал видеть; не узнал ли ты от нее, что она удостоилась получить за свою благочестивую жизнь? Не по моему ли повелению она ввела тебя в мой прекрасный сад?.. Не это ли было в видении твоём в сию ночь?.. Как же ты говоришь, что ничего этого не видел?» Рассказав мне все, что я видел, преподобный Василий просил меня записать все виденное и слышанное на пользу ближних.

Когда я это услышал от святого, то уже несколько не сомневался, что это было не мечтание, не сон, но действительное видение, посланное Господом Богом. Я размышлял сам с собою: как велик у Бога сей праведник, который был там и телом и душой и все виденное и слышанное мною знает! Я прослезился и сказал: «Правда, Святой отче, все было так, как ты рассказал, и я благодарю Человеколюбца Владыку Господа нашего Иисуса Христа, сподобившего меня видеть все это и наставившего меня прибегнуть к тебе, чтобы постоянно находиться под охраной твоих молитв и насладиться видением таких великих чудес».

Затем преподобный совершил молитву и отпустил меня. Он имел обычай часто бывать у своих духовных детей ради духовной пользы их; ведь он был незаменимый врач: молитвами исцелял как телесные, так и душевные болезни. Был он и про-

зорлив: духом провидел, кто из людей думает тайно сделать кому-либо злое, и предупреждал об этом; был пособником всем тем, которых постигали беды и несчастья; постоянно заботился о нищих и о сиротах; всем приходившим к нему с твердой верой в Господа давал благие советы и наставления, утешал скорбящих; и все это он делал от чистого, искреннего и любящего сердца.

Однажды, когда я сидел молча в своей келии, вспоминая и сокрушаясь, о своих грехах, у меня как-то невольно явилась в голове мысль, которая сильно заняла меня: «Насколько искренна и велика вера евреев, боящихся Бога!» Когда я думал об этом, мне невольно припомнилось, в подтверждение этой мысли, насколько был честен Авраам, праведен Исаак и велик пред Богом Моисей, знаменами и чудесами своими наказавший Египет. «Как же они, – думал я, – могут не веровать в Бога, давшего им Закон на горе Синайской и Своим гласом научившего их десяти заповедям, которые они приняли и строго и неуклонно исполняют? Как они могут не веровать и не почитать Бога, Который через Своего пророка Моисея разделил для них Черное море, провел по безводной и бесплодной пустыне, избавил их от египетских работ и послал им в пустыне манну небесную?..» И, вспоминая все то, что содержится в Ветхом Завете, и все, что мною было прочитано об этом, я невольно сказал сам себе: «Поистине они счастливый и угодный Богу народ!» Но этого мало. Я снова прочитал книги Закона их и долго признавал свою мысль правильной и, только, наконец, опомнившись и как бы придя в сознание, невольно воскликнул: «О, мысль лукавая и бесполезная! Я имею духовного отца, Богом просвещенного и истину об

этом знающего; пойду и расскажу ему, и он мне все разъяснит. Ведь известно, что если кто исповедует духовному отцу своему все свои сомнения, то получит облегчение от них; если же кто скроет их в себе, тот не Христов раб, но антихристов». Встав, я тотчас же пошел к отцу моему Василию.

В этот день были конские скачки, куда собрался весь народ. Я уже давно не ходил на это позорное зрелище, услышав об этом грозные слова Иоанна Златоустого. И вот, когда я пошел к святому и был близ этого позорного зрелища, на месте, называемом Диоптип, у меня вдруг явилось сильное желание узнать, закончился ли первый бег коней, и, преследуемый этим желанием, я невольно остановился и стал смотреть на это позорное зрелище. Придя затем к святому, я нашел его в молчальной келии на молитве и, пойдя туда, сделал ему обычный поклон. Тогда он, благословив меня и сотворив надо мною молитву, сказал мне с великим гневом: «Вот пришел ко мне человек, мудрствующий об иудействе, который, прочитав книги Ветхого Завета и не поняв его, прельщенный своей мыслью, сказал сам себе: «Глубоко и искренно веруют проклятые иудеи, темные, помраченные и поистине слепые!» Вот истинный толкователь Писания, который, достойно восхваляя древних пророков, восклицает: «Как свято иудеи соблюдают Закон тем, что в Бога Небесного веруют!» Вот человек, который оставил плач о грехах своих, перестал со слезами молить об их прощении и помышлять о том, как придется стать пред судилищем Христовым, но говорит сам себе: «Как искренно и глубоко веруют иудеи и не соблазняются!» И не только это, но и на ипподром зашел, где неразумные люди радость бесам доставляют, угрож-

дая им этим позорным зрелищем. Поистине диавол внушил тебе эти мысли и тем самым дважды заставил тебя согрешить!»

Я же, слушая это, сказал сам себе: «Вот, пришло время услышать тебе обличение твоим помыслам». Святой все продолжал: «Скажи мне, отчего ты думаешь, что искренно веруют иудеи?» Я в недоумении не знал, что ответить ему. Тогда святой сказал опять: «Что это значит, когда Господь сказал в Евангелии Своем: *Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его*. Видишь ли ты теперь, как легкомысленны и далеки от спасения те, которые, хотя и считаются верующими в Бога, но Сына Божия не признают? Или вот, в другом месте, сказал Господь иудеям: *Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего*. Если они видели Его на сонмищах поучающим их, тьму чудес творящим, с ними беседующим и среди них пребывающим и не поняли Его как следует, то как же они могут знать и искренно веровать в Отца Его, Которого они даже никогда и не видели! Это ли не безумная мысль?

Или еще сказал Господь иудеям: *Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а другой придет во имя свое, его примете*. Или вот, в другом месте, Господь говорит: *Се оставляется вам дом ваш пуст*. Так видишь ли, как Бог отринул их от Себя и рассеял по всем концам вселенной и даже самое имя их сделал ненавистным среди всех народов, населяющих вселенную? Так было со смоковницей, когда Господь, почувствовав голод, подошел к ней и, не найдя на ней ни одного плода, проклял ее, сказав: *Да не будет же от тебя плода вовек*. Под смоковницею разумеется народ еврейский. Пришел Господь и не нашел в народе еврейском плодов праведности. Ибо

хотя этот народ по видимости и исполнял Закон Божий, данный через Моисея, но плодов праведности не приносил, за что и был проклят и отвержен Богом.

Действительно, в древние времена они веровали и исполняли Закон, данный им от Бога, но в то время, когда пришел на землю Иисус Христос, они уже не поступали по Закону, ибо отказались от того, что вводило свет в их Закон, – свет, принесенный нам на землю Господом Иисусом Христом, Который и есть Истинный Закон. Ведь еще при кончине пророка Моисея Господь Бог сказал ему: «Вот ты почиешь с отцами твоими, и стянет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли, в которую он вступает, и оставит Меня, и нарушит завет Мой, который Я поставил с ним; и возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставляю их и скрою лицо Мое от них, и он истреблен будет, и постигнут его многие бедствия и скорби».

Видишь, чадо Григорий, они совершенно отвергнуты Богом и исповедуемый ими теперь закон ложен и бесплоден. Смотри же, чадо, и помни, что после пришествия Иисуса Христа от евреев не было ни одного пророка, ни одного праведника. Или как говорит о них пророк Давид: *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*. Когда Господь наш Иисус Христос в третий день воскрес из мертвых, а через сорок дней вознесся на Небеса и когда святые Его ученики пошли во все концы вселенной проповедовать Святое Евангелие, то над Иудеей снова разразился гнев Божий. К ним явился Тит и пришел Веспасиан, и за свои беззакония евреи были рассеяны во все концы вселенной, как сказал о них пророк Давид: *Не соберу соборы их от кровей, не помяну же имен их устами моими*.

Святой же Иоанн в Откровении своем так говорит о них: *Говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но – сборище сатанинское.* Они уже больше не сонм Израилев и не сыны Божии, но сонм сатанин; когда они соберутся к свое сонмище в субботу, то не Господь среди них, а сатана присутствует на их сонмищах, радуясь тому, что они отвергли Сына Божия и кровь Его клятвою обратили на себя и на детей своих. За это Бог отвратился от них, и вера их никогда уже больше не утвердится, как было в начале. Ибо теперь сатана взял их в свое достояние и наложил на них свое мерзкое имя, так что они теперь уже сыны диавола и часть антихристова. Прежде они были сыны Царствия Божия, теперь же они изгнаны оттуда, и их место займут те язычники, которые уверовали во Святую Троицу, – Новый Израиль, христианский народ, который составляем мы.

Знай же это, чадо Григорий, отвергни от себя греховные мудрствования и глубоко веруй в то, что если кто не верует, что Господь Иисус Христос есть Сын Божий, пришедший спасти мир, тот проклят будет. Если же кто и верует во Святую Троицу, а не исповедует, что Господь наш Иисус Христос воплотился от Святой Девы Марии, и был совершенным Богом и совершенным Человеком, и даровал нам Своим Крестом жизнь, и спасение, и примирение, и милость Отца Небесного, то гнев Божий пребывает на таковом, и будет он проклят, и всякие беды постигнут его и теперь и в будущем веке».

Сказав это, преподобный умолк. Тогда я обратился к нему: «Благодарю тебя, отче Святой, великую пользу принес ты мне своими словами; но еще осмелюсь просить тебя, помолись обо мне Богу, да

пошлет Он мне какое-нибудь знамение и утвердит этим мое маловерие». Он же ответил мне: «Велика просьба твоя, чадо, но знаю, что Господь никого не хочет погубить, а всех желает спасти и направить на путь истинный. Он все сотворит, что послужит тебе на пользу, все пошлет, о чем ты с верою будешь просить Его», – и отпустил меня с миром».

«Все виденное, – говорит писатель жития преподобного Василия Григорий, – муж оный поведал нам как самовидец, удостоверяющий истину».

Молитвами преподобного Василия да сподобимся и мы избежать горьких мытарств и водвориться в обителях, уготованных любящим Бога и исполняющим заповеди Его, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки. Аминь.

Учение Православной Церкви о частном суде по смерти и Всеобщем Суде Христовом

Смерть человека есть разлучение души от тела, при котором тело, как прах, возвращается в землю, чем он и был, а дух возвращается к Богу, Который дал его (Еккл. 12, 7). Причина смерти – грех. Бог создал человека для нетления (Прем. 2, 23), смерть же, равно как и болезни и страдания, есть неизбежное следствие греха наших прародителей. Возвратишься в землю, из которой ты взят – таков был приговор Божий согрешившему Адаму (Быт. 3, 19), и с тех пор люди сделались смертными, смерть распространилась и на всех потомков Адама и стала необходимым уделом всего рода человеческого (Рим. 5, 12).

Смерть есть предел, которым оканчивается время подвигов для человека и начинается время воздаяния, так что по смерти невозможно нам ни по-

каяние, ни исправление жизни. «Только настоящая жизнь есть время для подвигов, а после смерти – суд и наказание... Пока мы находимся в настоящей жизни, для нас еще возможно избежать наказания чрез исправление себя. А когда отойдем в жизнь другую, напрасно уже будем оплакивать свои грехи», – пишет святитель Иоанн Златоуст.

Согласно святоотеческому учению, по смерти человека бывает для него двойкий суд Божий и двойное воздаяние: суд частный, который совершает Господь над каждым человеком в отдельности по смерти его, и следующее за тем воздаяние, еще не окончательное; и Суд Всеобщий, который совершит Господь над всем родом человеческим при кончине мира и на котором каждый получит воздаяние уже полное, решительное, вечное.

Образное представление частного суда, издревле существующее в Православной Церкви, основанное на церковном предании и согласное со Священным Писанием, находим в учении о мытарствах.

Учение о мытарствах содержится в писаниях святых отцов и учителей Церкви. Оно вошло также в песнопения и молитвы, употребляемые на богослужениях, а также в жизнеописаниях святых.

«При разлучении души нашей с телом, – пишет святитель Кирилл Александрийский (| 444), – предстанут пред нами, с одной стороны – Воинства и Силы Небесные, с другой – власти тьмы, злые миродержители, воздушные мытареначальники, истязатели и обличители наших дел... Узрев их, душа возмутится, содрогнется, вострепещет и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у Ангелов Божиих. Но и будучи принята святыми Ангелами, и под кровом их протекая воздушное пространство и возно-

сясь на высоту, она встретит различные мытарства (как бы некие заставы или таможни, на которых взыскивают пошлины), которые будут преграждать ей путь в Царствие, будут останавливать и удерживать ее стремление к нему. На каждом из этих мытарств востребуется отчет в особенных грехах... Каждая страсть души, всякий грех будут иметь своих мытарей и истязателей... При этом будут присутствовать и Божественные Силы, и сонмы нечистых духов; и как первые будут представлять добродетели души, так последние – обличать ее грехи, учиненные словом или делом, мыслию или намерением. Между тем душа, находясь среди них, будет в страхе и трепете волноваться мыслями, пока, наконец, по своим поступкам, делам и словам, или, быв осуждена, заключится в оковы или, быв оправдана, освободится (ибо всякий связывается узами собственных грехов). И если за благочестивую и богоугодную жизнь она окажется достойною, то ее восприимут Ангелы, и тогда она уже небоязненно потечет к Царствию, сопровождаемая Святыми Силами... Напротив, если окажется, что она проводила жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит оный страшный глас: *Да возьметса нечестивый, да не видит славы Господней* (Ис. 26, 10)... Тогда оставят ее Ангелы Божии, и возьмут страшные демоны... И душа, связанная неразрешимыми узами, низвергнется в страну мрачную и темную, в места преисподние, в узилища подземные и темницы адские».

Из слов святителя видно, что мытарства представляют собою неизбежный путь, которым совершают свой переход от временной жизни к вечному жребию все человеческие души, и во время

этого перехода каждая душа, в присутствии Ангелов и демонов, пред оком Всевидящего Судии, постепенно и подробно истязуется во всех ее делах, злых и добрых. Вследствие этого подробного отчета в прежней жизни души добрые, оправданные на всех мытарствах, возносятся в райские обители, а души грешные, задержанные на том или ином мытарстве, влекутся демонами, по приговору невидимого Судии, в их мрачные обители.

После частного суда Православная Церковь различает два вида воздаяний: одно для праведников и другое для грешников, хотя и то, и другое признает еще не окончательным – до всеобщего воскресения и Страшного Суда Христова. В Послании Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о Православной вере (1723) говорится следующее: «Веруем, что души умерших блаженствуют или мучатся, смотря по делам своим. Разлучившись с телами, они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби: впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно».

Души праведников восходят на Небо, где пребывают в благодати Божией. Место, куда отходят души праведников, называется в Священном Писании раем (Лк. 23, 43), Царствием Небесным (Мф. 5, 3), Царствием Божиим (Лк. 13, 28), домом Отца Небесного (Ин. 14, 2) и другими именами. Праведники по смерти прославляются на Небе, и Церкви торжествующей, и на земле, в Церкви воинствующей. Прославляя их на земле, мы почитаем их как

угодников и друзей Божиих, призываем их в молитвах, чтим их мощи и священные изображения на иконах.

Души же скончавшихся грешников отходят во ад (Лк. 16, 23) – место осуждения и гнева Божия, место печали и скорби, называемое в Священном Писании также тьмою крошечною (Мф. 22, 13), преисподнею (Флп. 2, 10), бездною (Лк. 8, 31), и др. «О том же, что это за место и где оно есть, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – не будем доискиваться, но будем прилагать старание о том, чтобы избежать его».

В то же время Церковь исповедует, что для тех из грешников, которые до разлучения с настоящей жизнью покаялись, только не успели принести плодов покаяния – каковы молитва, сокрушение, утешение бедных и другие дела любви к Богу и ближним, – для таковых остается еще возможность получить облегчение в страданиях и даже вовсе освободиться от уз ада по бесконечной благодати Божией через молитвы Церкви и благодеяния, совершаемые за умерших живыми, а особенно силою Бескровной Жертвы, приносимой за них священниками во время совершения литургии (об этом говорится в Послании Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о Православной вере). Отсюда очевидна важность молитв и благодеяний за умерших, совершаемых их родными и близкими.

Молясь за скончавшихся в покаянии, Святая Церковь уповает, что все, за кого она молится, спасутся и не лишатся блаженства. Ибо, пишет святой Иоанн Дамаскин, «этого-то и жаждет, и хочет, и желает, об этом радуется и веселится Преплагим Господь, да никто не лишится Божественных даров

Его». Надо также не забывать, что обителей у Отца Небесного много и степени блаженства вечного будут весьма различны, соответственно достоинству тех, которые удостоятся этого блаженства.

Суд частный, которому подвергается каждый человек по смерти своей, не есть суд полный и окончательный. На частном суде получает воздаяние только душа человека, без всякого участия тела, хотя и тело разделяло с нею добрые и злые дела ее. После частного суда для праведников и грешников открывается только начаток того блаженства или мучения, которое они заслужили, а для некоторых грешников остается еще возможность облегчения участи по молитвам Церкви.

Но придет некогда последний день для всего человечества (Ин. 6, 39–40), как бывает последний день для каждого человека порознь, день кончины века (Мф. 13, 39), назначенный Богом, в который Он будет праведно судить вселенную (Деян. 7, 31), т. е. произведет суд всеобщий и решительный. В этот день Господь наш Иисус Христос приидет на землю и славе Отца Своего со святыми Ангелами, чтобы судить живых и мертвых (Мк. 8, 38). День этот называется поэтому в Священном Писании днем судным (Мф. 11, 22), днем гнева и откровения праведного суда Божия (Рим 2, 5), или днем Господним (2 Пет. 3, 10), днем Христовым (2 Сол. 2, 2), днем великим и страшным (Иоил. 2, 31).

Тогда по гласу Господню воскреснут мертвые и изменятся живые (1 Кор. 15, 52) и начнется суд над ними – Суд Всеобщий. Суд этот будет открытый – потому что Судия явится во всей славе Своей и произведет суд пред лицом всего мира; страшный – потому что совершится во всей правде Божией;

решительный и последний – потому что неизменно определит навеки участь каждого из судимых (Мф. 25, 46).

Учение о Страшном Суде Христовом является всеобщим и всегдашним верованием Церкви. Оно содержится в Символе веры – в члене о втором пришествии Христовом во славе для суда над живыми и мертвыми. Его повторяют в своих писаниях и многие святые отцы Церкви.

Образ Всеобщего Суда начертан в Слове Божи-ем. Оно говорит нам, что когда приидет Сын Человеческий во славе Своей и святые Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле Славы Своей (Мф. 21, 31), и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их (24, 31), и соберут от Царства Его все соблазны и делающих беззаконие (13, 41), и отделят злых из среды праведных (13, 49). Соучастниками Его в суде будут апостолы Христовы (19, 28) и святые (1 Кор. 6, 2). И соберутся пред Ним все народы (Мф. 25, 32), живые и мертвые (Деян. 10, 42), праведные и злые (2 Кор. 5, 10).

И не только все люди предстанут на суд, но и падшие духи (2 Пет. 2, 4; Иуд. 6). Предметом суда будут не только дела человеческие (Рим. 2, 6), но и слова (Мф. 12, 36), и самые сокровенные помышления (1 Кор. 4, 5).

И отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую (Мф. 25, 32–33). И произнесет приговор тем и другим. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...* Тогда скажет

и тем, которые по левую сторону: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 34, 41). Однако это изображение Страшного Суда Христова, как оно дано нам в Священном Писании, не должно понимать во всех своих подробностях буквально и человекообразно.

В день последнего суда наступит и кончина века – конец мира. Нынешние небо и земля, как риза, обветшают и изменятся (Пс. 101, 27). Изменение, или обновление, мира будет состоять в том, что на новом небе и новой земле не останется уже ничего греховного, а будет жить одна правда (2 Пет. 2, 13). Всеобщим Судом окончится также царство благодати (благодатное Царство Христово) и откроется Царство славы – вечное Царство Божие (1 Кор. 15, 24).

Вечное осуждение грешников будет состоять в удалении их от Бога и лишении всех благ Царства Небесного, в том числе общения с другими людьми: они не будут видеть вокруг себя никого, кроме духов злобы; кроме того, они будут претерпевать многообразные мучения – внутренние и внешние.

Праведники же наследуют Царство Небесное. Блаженство праведников в Царстве Небесном будет состоять в ближайшем единении и общении их с Самим Богом, источником блаженства, и соучастии в Божественной славе – насколько это возможно для существ сотворенных. Они будут пребывать и в ближайшем общении между собою и со святыми Ангелами, будут связаны узами чистейшей любви, как дети одного общего Отца. Будет полностью удовлетворена их жажда истины (1 Кор. 13, 12) и добра (правды) (Мф. 5, 6). Тела их восстанут нетленными, славными (светоносными), духовными.

Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной... *И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет* (Откр. 7, 16; 21, 4). Вообще же блаженное состояние праведников на Небе будет таково, что ныне мы ни представить, ни изобразить его не можем: *Не видел того глаз, и не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

О времени же этого великого предустановленного дня Господь запретил мудрствовать, сказав ученикам перед Своим Вознесением: *Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1, 6–7). День Господень так придет, как тать ночью; ибо когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут, – говорит апостол Павел христианам (1 Фес. 5, 1–3).

Но Господь заповедал внимать знамениям времен (Мф. 16, 3). Слово Божие указывает некоторые признаки второго пришествия Христова.

Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, – предупреждает об этом времени Своих учеников Христос, – ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и военных слухах... Но это еще не конец... Восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми за имя Мое; и тогда соблазняются многие... И, по причине умно-

жения беззакония, во многих оскудеет любовь... И тогда придет конец... (Мф. 24, 4–14). Перед концом Евангелие Царствия будет проповедано по всей вселенной, и, однако, Сын Человеческий, пришед, найдет ли веру на земле? (Лк. 18, 8).

«Предсказанное Словом Божиим должно совершиться, – пишет святитель Игнатий (Брянчанинов). – Наш священный долг – благоговеть пред судьбами непостижимыми Господа Бога и, понимая глубокое значение совершающегося, обратить все внимание, внимание усиленнейшее, на усвоение себя Христу, как святые отцы сказали: “спасаяй, да спасет душу свою”... Над судьбами мира и каждого человека неусыпно бдит Промысел всемогущего Бога, – и все совершающееся совершается или по воле, или по попущению Божию. Нам должно обращать взоры ума на себя и умолять Господа, чтоб Он сохранил нас в верности Православной Церкви, открыл нам всесвятую волю Свою и непреткновенный путь к Себе, источнику истинной жизни и спасения».

Этими словами святителя хотелось бы закончить наше повествование, с надеждой на то, что оно доставит читателю душевную пользу.